В конце июля того года состоялось небольшое собрание, посвященное двадцатилетию Геру. Возможно, он получил бы больше удовольствия - и обычно так и было, - если бы не тот факт, что на следующий день он должен был жениться на Риган. Его продолжало раздражать, что брат так настойчиво добивался и добивается этого, в то время как остальные его друзья - оставшиеся основатели - даже не начали искать себя.

Он все еще беспокоился о том, что произойдет, если его призовут обратно в свое время. Будет ли это волновать Риган? Почувствует ли она облегчение от того, что освободилась от удобного соглашения? Стоит ли вообще говорить об этом? Достаточно того, что Геру усыновил сына - не то чтобы он изменил это, если бы мог, - но брак предполагал больше детей, а это означало больше людей, оставшихся позади.

В результате он выпил, возможно, немного больше, чем следовало, и лег спать, чувствуя себя довольно легкомысленно, если не сказать угрюмо. Когда он проснулся на следующее утро, поднятый с постели в отвратительно ранний час отвратительно веселым Салазаром, он был угрюм и готов огрызаться на всех и вся. Голова раскалывалась, в животе тошнило, хотя он не был уверен, что причина этого - медовуха или переживания по поводу прошедшего дня.

Брат возился с ним, как курица-мать, оживленно болтая, пока Геру мылся, одевался и поправлял одежду, словно Геру был куклой в натуральную величину. Геру благородно сдерживал себя, чтобы не ударить брата по зубам, когда тот болтал о преимуществах жены, которая согреет постель и будет готова выполнить все его просьбы, и о прочих домашних делах, с которыми Геру уже много лет вполне успешно справлялся сам.

Церемония проходила на вершине одной из башен, на фоне безоблачного голубого неба и легкого ветерка, заигрывающего с их одеждой и волосами. Геру был слишком озабочен тем, чтобы не споткнуться на репликах, чтобы оценить обстановку, но все это время не сводил глаз с Годрика.

Риган говорила спокойным, ясным голосом, казалось, безразлично. Это, как ни странно, помогло успокоить нервы Геру. После того как были произнесены последние клятвы и Геру подарил своей новой невесте целомудренный поцелуй, они удалились в комнату внутри башни для легкой трапезы. Подарки были выставлены в стороне, и домовой эльф доставил их в покои Геру для последующего изучения.

Когда они наконец смогли покинуть башню, Геру велел сыну найти себе занятие по душе и повел Риган в подземелья и в свои покои, дав ей пароль для входа на непарном языке. Внутри они расположились в удобных креслах у камина, который был разожжен в ожидании их прихода.

"Риган?"

"Да, муж?" - спокойно ответила она, глядя на мерцающее пламя.

Геру вздрогнул. "Не называй меня так. Это звучит так... официально".

"Как пожелаешь". Она посмотрела на него спокойным взглядом.

"Я знаю, что уже спрашивала тебя об этом раньше, и сейчас уже поздновато спрашивать об этом снова, но ты действительно не против? Мы ведь почти не знаем друг друга".

"Меня никто не заставлял. Судя по тому, что я видела, Вы хороший и добрый человек. Хотя я не искала себе мужа, я могла бы сделать гораздо хуже, чем быть замужем за вами, и прекрасно это знаю".

"А вы, возможно, могли бы сделать это гораздо лучше".

"Сейчас это не имеет значения, не так ли? Наоборот, завтра тебя может растоптать гиппогриф, а я останусь богатой вдовой".

Геру был достаточно ошеломлен, чтобы захихикать. "Ладно. Извини."

"Не извиняйся передо мной за свои чувства, Геру. Я думаю, что мы оба предпочтем честность, а не маленькую сладкую ложь, рассчитанную на то, чтобы приспособиться, а не раскрыться".

Он кивнул и некоторое время смотрел на свои руки. "Да. Тебя не беспокоит, что Кедрин почти такой же старый, как и ты?"

"Он восхитительный мальчик. Вы взяли его к себе, я полагаю, по доброте душевной и потому, что почувствовали с ним родство. Я был бы глупцом, если бы пренебрег таким поступком. Если нам проще быть матерью и сыном, пусть так и будет. А если сестра и младший брат - тоже хорошо".

"Я думаю, - медленно произнес Геру, - что ты, вероятно, гораздо мудрее меня".

Она слабо улыбнулась и ответила: "Некоторые говорят, что женщины всегда мудры". Затем она погрустнела и посмотрела на него совершенно серьезно. "Геру, говори, что думаешь. Ты сидишь так неудобно, откинувшись на край стула. Я была бы слепой, если бы не видела, что ты этого не хочешь, но я не обижаюсь на это. Я не чувствую, что это имеет ко мне какое-то отношение, и хотел бы, по крайней мере, быть твоим другом".

Геру опустился в кресло. "Это было бы неплохо. Правда, я не хотел этого. Я не думал, что готов к этому. И это правда, что ты тут ни при чем. Просто я вижу своего брата, как он себя ведет, и мне кажется, что это не я".

"А вы - нет. Если бы это было так, я бы не согласился на это".

Он откинул волосы с глаз и несколько секунд изучал ее. Он подумал, что, возможно, все не так уж плохо. Через мгновение он достал свою палочку и вызвал к ним стол, а затем вернул её в

кобуру.

"Посмотрим, какие подарки мы получили", - сказал он, слабо улыбнувшись ей.

Они не спеша открывали каждое подношение, снимая с него упаковку, чтобы отложить на потом, и обращая внимание на миниатюрность, использованную для уменьшения размеров некоторых подарков. Здесь были куски шелка и бархата для Реган, комплект одежды из шкуры мантикоры для Геру, портрет Реган для размещения в кабинете.

Была и склянка с кровью ре'эма, которую Геру предусмотрительно отложил на потом. Он лишь смутно помнил, для чего она нужна, и решил, что лучше подождать, пока она не пригодится. А еще там была колыбель, отчего Геру неловко покраснел, а Риган смотрела на него в спокойном раздумье.

"Вы... ...хочешь детей?" - тихо спросил он.

"Я бы солгала, если бы сказала обратное", - ответила она с такой же мягкостью. "Но я не считаю это единственным стремлением своей жизни". Риган протянула руку и приподняла пальцами его подбородок, мягко заставив его встретиться с ней взглядом. "Я не претендую на то, чтобы полностью понять твое нежелание в некоторых вопросах, но будь уверен, что я не попрошу от тебя больше, чем ты способен дать. Тем не менее, в моем сердце живет тоска по некоторым вещам".

"Очень хорошо. Я бы предпочел, чтобы ты не была несчастна, Риган, поэтому я сделаю все, что в моих силах".

"Это все, о чем я могу просить". Улыбнувшись, она отпустила его и взяла последний подарок, который оказался набором булавок для плаща с фамильным гербом Слизерина.

Спустя некоторое время, когда они потягивали чай и осторожно выясняли друг с другом отношения на разные темы, в дверь ворвался Кэдрин и остановился.

"Ничего, если я останусь в деревне с Карсисом и Кланаром на несколько дней, отец?" - спросил он, задыхаясь, затем покраснел и отвесил Риган небрежный приветственный поклон.

"Их семья не возражает?" спросил Геру.

Каэдрин покачал головой. "Ничуть, и это будет очень весело. Скажи, пожалуйста, да, отец?"

"Хммм..." Геру допил чай, покрутил чашку и перевернул ее на поднос, чтобы осушить.

"О, отец, правда! Только не это", - заскулил Каэдрин.

Херу заставил его замолчать суровым взглядом, подождал немного, затем перевернул чашку и заглянул в нее. Пробормотав несколько мгновений неразборчиво и издав несколько странных звуков, он поднял голову и улыбнулся. "Очень хорошо. Но я надеюсь, что во время своего пребывания здесь ты будешь вести себя прилично".

"Конечно, отец". Каэдрин выглядел прямо-таки скандалистом при мысли о том, что он будет вести себя прилично, хотя оба прекрасно понимали, что он не более святой, чем любой другой мальчик его возраста.

Геру бросил на него недоверчивый взгляд и махнул рукой. "Тогда иди, и не делай ничего такого, чего не сделал бы я".

"Спасибо, отец", - сказал Каэдрин, подпрыгнув. "Пойду соберу кое-какие вещи и увижу вас обоих через несколько дней". Он отвесил Риган еще один поклон и вышел.

Она проводила Геру забавным взглядом и сказала: "Вы действительно заботитесь друг о друге".

"Он - одна из лучших вещей, которые когда-либо случались со мной", - ответил он, затем сполоснул и снова наполнил свой кубок.

- - -

Геру был, мягко говоря, обескуражен. Поначалу он пытался вспомнить, что чувствовал, когда видел Чо в коридорах или во время еды, вспомнить, какие именно ощущения вызывали в нем эти встречи. Но эти воспоминания были мимолетными и нереальными, их было трудно уловить, как туман, и трудно удержать, как исчезающий сон.

Поцелуй с Риган вызвал у него ощущение, что что-то не в порядке, чего-то не хватает. Хотя ее тело было прекрасной формы, оно не побуждало его к каким-то конкретным действиям, а скорее оставляло равнодушным. И когда он соединился с ней и начал медленный, но неуклонно ускоряющийся танец любовников, он не мог не ощутить любопытной отстраненности от этого процесса.

Он не знал, было ли это связано с тем, что она была ему почти незнакома, или с тем, что она как-то непроизвольно заставляла его чувствовать себя намного моложе. Он даже не был уверен, что его срыв на кладбище и последующие события каким-то образом разрушили какую-то его часть, которую, возможно, уже никогда не удастся восстановить. Он знал только, что этот поступок, который должен был принести ему удовольствие и радость, оставил его таким же неподвижным, каким он его когда-либо знал.

Это знание тяжким грузом лежало на его плечах, даже когда они все быстрее сходились и стремились к той вершине, к которой стремились. И все же... до его слуха донеслась тихая песня, которая развеяла все тревоги и позволила ему продолжить путь, на котором он, возможно, оступился. Песня того, кто мог быть только Praecino, успокаивала его

неадекватность достаточно долго, чтобы он смог выплакаться и рухнуть.

Несколько минут спустя из темноты раздался тихий голос Риган. "Это нормальное поведение для феникса?"

http://tl.rulate.ru/book/93837/3146180